

СНОВИДЕНИЕ ГЕНИАЛЬНОСТИ

РЕЖИССЕР Тенгиз

Абуладзе свой новый фильм, который он будет ставить на Экспериментальной студии, посвящая национальному герою Грузии — художнику Нико Пиросманишвили. Кто такой Пиросманишвили? Картины его ценятся на вес золота, хотя они были задуманы как обычные торговые вывески. Биография его — до сих пор тайна, хотя о встречах Нико писали самые известные писатели и среди них Константин Паустовский.

— Людей, знавших, встречавших, видевших Пиросмани, в Тбилиси найти нетрудно. Но все очевидцы рассказывают, вспоминают разное и по-разному, — говорит Т. Абуладзе.

Умер ли Пиросмани? Вроде бы да. Кажется, в 1918 году. Вам скажут даже, где он похоронен, — одни при этом назовут одно кладбище, другие — другое. А потом вы встретите людей, которые постараются вас убедить, что Пиросмани вовсе не умер, во всяком случае про такое ничего не было слышно. И верно — три года назад республиканская газета сообщила о сенсации: найдена могила Нико Пиросмани, одинокая, расположенная в глухом месте. Верилось и в эту версию. Да только ученая комиссия, явившись на место погребения, вынуждена была констатировать: останки принадлежат человеку женского пола... Умер ли Пиросмани?

Можно получить объяснение, почему так мало известно о Пиросмани тех лет. Будто бы в 1916 году, когда грузинские художники стали организовывать свое объединение, позвали в свежесозданное сообщество и его. Пиросмани очень был рад и горд. Но не всем мэтрам пришлось по вкусу присутствие «вывесочника», самоучки, примитивиста, кое-кто отказывался вывесить свои полотна рядом с его жестями. И Пиросмани ушел, затерялся, еще больше замкнулся и посуровел. Видимо, был он болезненно самолюбив. И, назерное, одинок. Да, одинок, хоть всем виден и известен. И жизнь провел в подавале. И сторонился толпы. И неразговорчив вроде бы всегда был. Но всему городу ведом.

— А легенд много, — продолжает режиссер. — К примеру, ходит слух, будто с возрастом Пиросмани стал торговцем, занялся делом, остепенился. Что ж, слух имеет основания. Мы нашли компаньона, который вместе с Пиросмани держал молочную лавочку. Он до сих пор честит бывшего ком-

паньона. Рассказывает: «Он же мог посреди дня уйти из лавки, купить охапку сена, разложить его на крыше и полеживать там, даже не поглядывая сверху, подходят ли покупатели.

— Рисовал ли, спрашиваете? А как же. И меня тоже. Все друзья возмущались. А жена рисунк тот в клочки изодрала. Черный был весь рисунок, черный-черный. И это он мою душу нарисовал!».

Что после этого решишь — торговец или не торговец был Пиросмани? Кто он был?

Народный герой — поняли мы, думая о фильме. Потому что все очевидцы говорили о нем так, словно видели его во сне, в сказке. Видели человека, при жизни уже превратившегося в легенду. В легенду, которая продолжает жить, которую народ украшает, обогащает, расцвечивает новыми сказками. Герою необязательно ведь выворачивать с корнем горы и обращать в пар ледники. Всенародной славы он может быть удостоен и за свой творческий подвиг. Творчество его осталось с нами. Хотя и по сию пору еще не всем открылось по-настоящему, еще не стало родным и необходимым искусство Пиросмани, мир его чувств и радостей. Но сам художник собственной персоной, оказывается, тоже остается с нами. Творивший для народа, в гуще народной, он остается в ней навечно, живет, как легенда, в которую веришь безотчетно, забывая, где граница фантазии и реальности.

Мы, естественно, помнили, что сам Пиросмани оставил объективные о себе свидетельства. Свои произведения. Его живопись, конечно же, будет показана на экране. Будет показана уже тогда, когда зритель выслушает столь не совпадающие мнения о ее авторе. Мы как бы войдем внутрь картин, монтажом оживим мир их персонажей, взглядым во фрагменты и воссоединим их. Зритель погрузится в объективный мир художнического наследия. Будет знакомиться с ним. Будет, наверное, сопоставлять слышанное от современников Пиросмани с открывшимся изобразительным повествованием: возможно, придумает для себя собственное объяснение, собственную версию и трактовку. И легенда пойдет шире.

На картинах Нико Пиросмани люди не смеются и не плачут. Вокруг себя, на нас все они глядят удивленно. Даже в глазах животных, нарисованных художником, нет ни страха, ни злости. Животные тоже удивленно рассматривают мир. И эта удивительная удивленность жизнью не может пройти незамеченной. Не может не слиться с тем ощущением сновидения, тайны, существовавшей рядом и все-таки непостижимой, ощущением, которым делался с нами очевидцы, вызвавшие на экран нервный строй предыдущих новелл. Мемуары смыкаются с живописью. Торжествует легенда — легенда о народном герце, народном художнике.

(Из журнала «Молодая гвардия» № 3—1966 г.)